

Л. А. Дмитриева «О датировке "Сказания о Мамаевом побоище"»¹. Датировка «Сказания» была чрезвычайно запутана в связи с неясностью основного вопроса — о взаимоотношении редакций этого произведения (как известно, С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматов датировали редакции совершенно различно). Поэтому Л. А. Дмитриев начинает свою статью с рассмотрения вопроса о первоначальной редакции этого произведения, затем он привлекает данные исторические и историко-литературные. В результате ему удается дать более или менее убедительное, хотя и не окончательное (ввиду отсутствия прочных данных) решение этого вопроса.

Итак, при установлении времени возникновения памятника должны быть приняты во внимание решительно все хронологические приметы. Решающим приметам должно быть оказано предпочтение; в отношении же других должно быть по крайней мере установлено, что они не противоречат основным указаниям. Кроме того, должно быть полное соответствие между датировками первоначального текста, его редакций и списков. В конечном счете, датировка должна находить себе подтверждение во всей истории текста памятника².

Определение места возникновения произведения

Вопрос о месте возникновения памятника тесно связан с рядом других: был ли его составитель местным жителем, отразились ли в его памятнике местные тенденции, местная идеологическая борьба, в какой мере памятник является по своему содержанию действительно «местным» и в какой — общерусским. Часто местные памятники пишутся пришельцами (например, в Новгороде житие новгородских святых писал серб Пахомий Логофет), компилятор-летописец использует летописи чужого княжества и оставляет в них сведения сугубо местного характера. Автор «Казанской истории» не обязательно писал в Казани; его произведение составлено, по-видимому, в Москве. В Москве же могло быть составлено житие какого-либо вовсе немосковского святого. Житие Зосимы и Савватия Соловецких составлялось то в Соловках, то в Новгороде, то в Ферапонтовом монастыре³. Житие новгородского святого Михаила Клопского составлялось в Новгороде, но мос-

¹ Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X. М.; Л., 1954.

² Рассмотрение общих вопросов древнерусской хронологии не входит в задачу текстологической науки. Литературу по хронологии см. в главе VIII («Особенности изучения текста летописей»).

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 198–203, 269–270.

квичом — Василием Тучковым и отличалось московскими идейными тенденциями. Все это указывает на то, что вопрос о происхождении памятника из той или иной местности далеко не прост. По существу перед нами целая группа вопросов по истории текста произведения. Ограничимся только одним вопросом: каковы самые общие приметы возникновения произведения в данной местности? Наиболее часто встречающаяся примета, но вовсе не самая достоверная — это особое внимание в памятнике к своей местности, своему городу, княжеству, области. О местном происхождении известия могут свидетельствовать детальные описания, мелкие географические и топографические особенности, точные даты. Ср., например, в Новгородской первой летописи по Синодальному списку под 1228 г.: «Той же осени бысть вода велика в Вълхове: пойма около озера сена и по Волхову. Тогда помързъшю озеру и стоявшю 3 дни, и въздре уг ветр, изламав, вънесе все в Вълхово, и въздре 9 городнь великаго моста, и принесе к Питбе под святой Николу 8 городнь в ночь, а 9-ю рознесе, месяца декабря в 8 день, на святого Патапия»¹. Конечно, новгородский автор чаще всего и детальнее всего пишет о новгородских событиях, о Новгороде или той или иной новгородской местности, но это признак вовсе не обязательный: путешественники очень внимательно относятся к местности, по которой они путешествуют, и это не значит, что памятник создан именно там, во время путешествия. Московские летописи XV и XVI вв. включают в свой состав много чисто местных новгородских известий, но это объясняется только тем, что московские летописные своды включали в свой состав обширные новгородские летописи.

Гораздо достовернее не количественный признак, а качественный. Важно не то, сколько раз и с какой деятельностью пишет автор о своей местности, а то, как о ней пишет, как он ее называет.

Описывая голод в Новгороде под 1230 г., летописец замечает: «Се же горе бысть не в нашей земли в одной, нъ по всей области Русстей, кроме Кыева одного»². Конечно, если летописец (вернее — автор данной летописной статьи) пишет о Новгородской земле «наша», о новгородцах «наши», а о новгородском князе «наш», — он новгородец. Если он пишет о Торговой стороне «он пол», а о жителях Торговой стороны — «ониполовци»³, он житель Софийской стороны. Если он с удовлетворением пишет о тверском князе и с неудовольствием о его противниках, — он скорее всего сторонник тверского князя.

Но если летописец бранит московского великого князя — это еще не значит, что он не москвич; он просто его противник. Брань же и неприязненные замечания по адресу всех жителей той или иной местности исключают

¹ Новгородская летопись старшего и младшего изводов. С. 67.

² Там же. С. 71.

³ Ср. в Новгородской первой летописи по Синодальному списку под 1097 г.: «погоре он пол»; под 1157 г.: «и сташа сторожи у городных ворот, а друзии на ононь полу»; под 1218 г.: «и възвониша у святого Николы ониполовци черес ночь», и др.

ее происхождение из данной местности. Так, в Симеоновской летописи под 6678 (1170) г., к известию о том, что новгородцы выгнали князя Романа, добавлено: «таков бо бе обычай блядиным детем», а по поводу рязанцев под 6879 (1171) г. добавлено: «палаумные смерди». Если автор прославляет какого-либо местного святого, это значит, что он его приверженец, но чтобы решить — был ли он жителем той же местности, что и святой, — надо выяснить: могли ли быть почитатели данного святого в момент составления его жития в других местностях. Даниил Паломник выдает свое черниговское происхождение тем, что сравнивает реку Иордан с черниговской речкой Сновью¹. Местное происхождение писателя или переписчика рукописи может выдать также ошибка, при которой он принял незнакомое ему географическое название за знакомое ему, местное. Ср., например, в некоторых новгородских летописях XVII в. в рассказе о смерти Игоря: «И убиша его (Игоря. — Д. Л.) вне града Коростеня близь Старья Русы». Последние слова выдают северное происхождение переписчика.

Определяя то или иное местное происхождение какого-либо литературного произведения или летописного свода, необходимо стремиться установить, с какими местными явлениями и кругами был связан памятник. Когда-то считалось, что политические устремления памятника совпадают с его местными устремлениями. Теперь мы знаем, что в любой местности были различные общественные группы, имевшие различные тенденции. В Новгороде, в Твери, в Ростове были группы населения, противившиеся Москве и тянувшие к Москве, занимавшие различные позиции в целом ряде конкретных вопросов современной им жизни. Уже А. А. Шахматов различал княжеские летописные центры от церковных, но и этого, конечно, недостаточно.

Определение местного характера того или иного памятника и определение политических его тенденций взаимно поддерживают друг друга, что и позволяет нам гораздо конкретнее представить себе и происхождение памятника, и его идейное содержание.

Приведу пример с определением ростовского происхождения Типографской летописи. Определено оно было в свое время А. А. Шахматовым². Я. С. Лурье следующим образом конкретизирует это ростовское происхождение Типографской летописи³: «Как известно, Типографская летопись, действительно, содержит целый ряд известий, относящихся к Ростову и восходящих, по-видимому, к ростовскому летописанию (в официальной москов-

¹ «Всем же есть подобен Иордан к реце Сновьстей и в шире, и в глубле, и лукаво течет и быстро велми, яко же Сновь река» (Житие и хождение Даниила, Русская земля игумена. 1106—1108 годы. Под ред. М. А. Веневитинова. — В кн.: Православный палестинский сборник, т. I, вып. III. СПб., 1883. С. 45).

² А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 294—295.

³ Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955. С. 158.

ской летописи их нет). Это — известия о различных бедствиях в Ростове, о важнейших событиях в жизни архиепископской кафедры и т. д.¹ Особенно интересны в этом отношении явно местный рассказ о том, как “выло” и “стучало” замерзающее Ростовское озеро, известия о продаже ростовскими князьями в 1474 г. половины своей вотчины, о конфликте между архиепископом ростовским Вассианом и митрополитом (московским. — Д. Л.) Геронтием из-за Кирилло-Белозерского монастыря. Сопоставление этого известия с аналогичным известием Софийской II летописи... еще ярче подчеркивает горячее сочувствие летописца ростовскому архиепископу и его ненависть к “высокоумным и суетным черньцам Кириллова монастыря” и к их покровителю — митрополиту². Ростовский характер приведенных выше известий делает, на наш взгляд, — пишет Я. С. Лурье, — достаточно вероятным и предположение А. А. Шахматова о ростовском происхождении рассказа о “стоянии на Угре” в 1480 г., содержащегося в Типографской летописи и попавшего (с теми или иными изменениями) почти во все русские летописи конца XV—XVI века. В Типографской летописи рассказ об Угре имеет наиболее развернутый характер: он направлен против “сребролюбцев богатых и брюхатых” — тех представителей боярства, которые побуждали Ивана III к компромиссу с ханом (в частности, против Софии Палеолог, бежавшей во время нашествия хана), и завершающая его концовка содержит пламенный призыв к “храбрым мужественным сыновем Русстим” не следовать примеру “кровопивцев христьянских” и защищать “свое отечество Рускую землю”. Политические тенденции, обнаруживавшиеся в рассказе Типографской летописи о событиях 1480 г., вполне совпадают с политической позицией ростовского архиепископа во время этих событий. Ростовский архиепископ Вассиан Рыло сыграл, как известно, важную роль в организации обороны Русского государства от последнего нападения Золотой Орды. В полном соответствии с его “Посланием на Угру” Ивану III, рассказ Типографской летописи резко осуждает поведение братьев великого князя, смело критикуя самого великого князя за его колебания. Во время “стояния на Угре” Вассиан был в Москве³. Любопытно в связи с этим, что и рассказ об Угре Типографской летописи написан с точки зрения человека, находящегося в Москве: говоря о событиях на Угре, автор трижды возвращается к тому, что происходило в это время “в граде же Москве”. Наконец, весьма характерно прямое совпадение между заключительной частью рассказа об Угре и посланием Вассиана⁴: если в заключительной части рассказа осмеиваются греческие и другие восточноевропейские государи, которые убежали от турок

¹ См. указанные страницы «Обозрения» А. А. Шахматова. (В цитате примечания Я. С. Лурье).

² ПСРЛ, т. XXIV. С. 186, 194, 197.

³ И. М. Кудрявцев. «Послание на Угру» Вассиана Рыло. — ТОДРЛ, т. VIII. М.; Л., 1951. С. 163.

⁴ ПСРЛ, т. XXIV. С. 202; т. VI. С. 227.

“с именми многими и с женами и з детьми в чюжие страны”, то в послании Вассиан предостерегает Ивана III от той же участи: “Не обратися вспять, не речи в сердце своем: “Жену имею и дети и богатество многое, аще и землю мою возмут; то инде вселюся!””, но без сомнения вскочи на подвиг”¹.

Из приведенного рассуждения видно, что вопрос о местном происхождении того или иного памятника связывается с целым рядом других: с вопросом о политических идеях памятника, с вопросом о близости его к другим произведениям той же местной литературы, с вопросом о близости автора к тому или иному политическому деятелю и т. д. Чем больше «обрастает» вопрос такого рода связями, тем конкретнее и доказательнее он может быть решен. Даже то, что с первого взгляда может показаться противоречащим местному происхождению памятника, в конкретном рассмотрении может обернуться в пользу данного решения вопроса. Так, выше мы видели, что рассказ Типографской летописи о событиях 1480 г. написан с точки зрения человека, находящегося в Москве, но это конкретно объясняется тем обстоятельством, что ростовский архиепископ Вассиан, к которому был явно близок летописец, именно в это время находился в Москве со своими приближенными.

И в вопросе о местном происхождении того или иного памятника ясно выступает основное текстологическое правило: не ограничиваться внешними признаками, а видеть за историей текста историю людей, имевших к этому тексту отношение. Умение видеть этих людей, представлять себе всегда и во всем историю исследуемого текста по возможности конкретно и детально — основное качество, необходимое текстологу, поскольку он не может не быть историком.

Возвращаясь к приведенному анализу местного, ростовского происхождения Типографской летописи, следует отметить, что наиболее важное с методологической точки зрения наблюдение, которое было сделано, — это связь политической направленности Типографской летописи с ее местными особенностями. То и другое отделять невозможно, но в такой же мере невозможно примитивно объединять то и другое. Допустим, невозможно представить себе дело таким образом, что то или иное местное, немосковское, происхождение памятника отразится в нем антимосковской и антивеликокняжеской тенденцией. А именно так поступают в некоторых случаях исследователи. Так, например, А. А. Шахматов определил ростовское происхождение Ермолинской летописи на основании имеющейся в ней резкой критики московских князей и наличествующего в ней под 1396 г. перечня ростовских владык.

Однако Я. С. Лурье в той же, уже цитировавшейся нами статье справедливо возражает против того и другого аргумента А. А. Шахматова. Я. С. Лурье указывает, что поместить список ростовских владык в своей летописи и до-

¹ Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. С. 158–159.

полнить его мог не только ростовский летописец — ростовские архиепископы, наряду с новгородскими, были важнейшими иерархами русской церкви. Вместе с тем явно иронический и антивеликокняжеский рассказ Ермолинской летописи об обретении мощей ярославских чудотворцев¹ вряд ли мог быть сделан в окружении ростовского архиепископа. Я. С. Лурье отмечает, что критика московского великого князя шла в Ермолинской летописи (и близких к ней Погодинской № 1409 и некоторых других) главным образом по военной линии и могла исходить из оппозиционно настроенных кругов в самой Москве. В связи с этим приобретает особенное значение одно наблюдение Я. С. Лурье: автор Ермолинской летописи (вернее ее протографа) высказывает особую привязанность к московскому воеводе Федору Басенку. Приведу это наблюдение Я. С. Лурье полностью: отметив критику в Ермолинской летописи военных действий московских воевод второй половины XV в., Я. С. Лурье пишет: «Заметим прежде всего, что далеко не все военные действия этого периода рисуются в интересующем нас летописном тексте в мрачном свете. Наряду с бездарными и подкупными воеводами эта летопись упоминает и такого воеводу, действия которого неизменно и постоянно увенчиваются успехом. Это — Федор Васильевич Басенок, сражавшийся с татарами еще до свержения Василия Темного в 1445 году и обнаруживший непреклонную верность Василию во время захвата власти Шемякой. В 1445 году Басенок бежал в Литву и оттуда развернул успешную партизанскую войну против Шемяки.³⁶ После победы Василия Басенок продолжал играть видную роль в военных действиях против татар и Новгорода. Близость летописца к Федору Басенку обнаруживается в ряде известий. “Тогда же мужествова Феодор Васильевич Басенок”, — так сообщает о его борьбе с татарами в 6951 (1443) году Ермолинская летопись². Рассказывая под 6963 (1455) годом о сражениях с татарами “Сиди-Ахметовы орды”, Ермолинская, Погодинская № 1409, Софийская I в списке Царского и Новгородская Хронографическая летописи подчеркивают, что “Иван Васильевич Ощера с коломничи не поспе на них ударити, и пришед сы иные страны Феодор Васильевич Басенок с великого князя двором, татар бил и полон отнял”³. Под 6964 (1456) годом в тех же летописях повествуется о победе Басенка над новгородцами; Ермолинская летопись сохранила в данном случае и необычайный эпитет Басенка — “Феодор Васильевич Басенк, удалый воевода”⁴. Не менее харак-

¹ Рассказ этот содержит насмешки и над самими ярославскими чудотворцами и над великокняжеским наместником Иваном Сущим, которого летописец именуется «новым чудотворцем» за его действия по «отписыванию» земель ярославских князей на московского великого князя (ПСРЛ, т. XXIII. С. 157–158).

² ПСРЛ, т. XXIII. С. 152–153. Ср.: ПСРЛ, т. VI. С. 174–175. (В цитате примечания Я. С. Лурье).

³ Там же. С. 151. — В Погод. 1409, Новг. Хроногр. и Соф. I Царск. этого известия нет.

⁴ Там же. С. 155; Погод. 1409, л. 115 об.; ПСРЛ, т. V. С. 271; т. IV, примеч. а. С. 147.

терен и рассказ о покушении новгородцев на Басенка в 6968 (1460) году: «Феодор Васильевич Басенок пил у посадника и поеха ночи на Городище, и удариши на него шилники и убиша у него слугу, именем Илейку Усатого Рязанца, а сам едва утече на Городище и с товарищи. Новгородци же, слышавше голку, и возмятошася, и придоша всем Новым городом на великого князя к Городищу: чаяли, что князя великого сын пришел ратью на них, и едва утолкшася, мало упасе бог от кровопролития»¹. Детальный характер этого известия, ряд подробностей — все это заставляет предполагать близость его автора к главному герою происшествия, Федору Басенку. Предположение о близости интересующего нас летописного текста к Федору Басенку подтверждается не только обилием содержащихся в нем известий о военных столкновениях, явным сочувствием летописи Басенку и враждебностью к ряду других воевод. Оппозиционные тенденции этого летописного текста также соответствуют данным биографии Басенка: вскоре после восшествия на престол Ивана III «удалый воевода» подвергся опале, ослеплению и ссылке в Кириллов монастырь»².

Наконец, о происхождении памятника из той или иной местности свидетельствует сама рукописная традиция. Если памятник длительное время переписывается в псковских рукописях, — это может служить одним из доводов в пользу псковского же происхождения памятника, хотя мы хорошо знаем случаи (и даже массовые явления), когда та или иная местная традиция (псковская, новгородская, тверская и т. д.) сохраняла памятники Киевской Руси, произведения, созданные в Болгарии, и пр.

Косвенным признаком принадлежности памятника той или иной местности может служить вхождение этого памятника в сборник местных произведений: новгородских, муромских, рязанских, псковских. Однако безусловно этому признаку доверять нельзя. Так, в составе псковских произведений часто переписывалось «Хождение в Царьград Стефана Новгородца»³, а в составе рязанских — «Повесть об убиении Батыя» Пахомия Серба⁴.

История текста произведения непременно должна приниматься во внимание при решении вопроса о месте происхождения памятника.

Только в связи с историей текста, историей его списков должен приниматься во внимание и важнейший признак местного происхождения памятника — лингвистический.

¹ ПСРЛ, т. XXIII. С. 156. — В Погод. 1409 и других летописях это известие короче: Погод. 1409, л. 116 об.; ПСРЛ, т. V. С. 272; т. IV. С. 148. Ср. также: ПСРЛ, т. VI. С. 182.

² Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. С. 162–163.

³ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934. С. 47–49.

⁴ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.; Л., 1949. С. 267, 268 и др.

Но, анализируя язык, выявляя диалектизмы (фонетические, морфологические и лексические), мы все время должны стремиться те из них, которые могли проникнуть в язык памятника от его переписчиков и редакторов, отделить от тех, которые присущи памятнику как таковому. Работа эта очень сложна и, по существу, требует специальных знаний. В данном случае текстолог всегда должен обращаться за помощью к опытному лингвисту, специалисту-диалектологу и историку языка.

Атрибуция

Вопрос об авторстве того или иного произведения в древнерусской литературе гораздо сложнее, чем в литературе нового времени. Здесь много неясного в самой своей основе: кого называть автором в древнерусской литературе и что называть его произведением, как отграничить одного автора от другого, автора от компилятора, компилятора от переписчика, различные произведения друг от друга, в какой мере показания идейного содержания и стиля могут считаться достоверными доказательствами принадлежности произведения тому или иному автору и т. д.

Прежде всего — что называть произведением в древней русской литературе, как отграничить одно произведение от другого и, следовательно, как разграничить работу авторов?

В решении этой проблемы есть специальные трудности. Многие из произведений древнерусской литературы представляют собой коллективные, многослойные произведения, компиляции или литературные обработки предшествующих произведений. В составлении некоторых памятников древней русской литературы принимало участие много авторов, работавших разновременно, дополнявших и переделывавших работу своих предшественников.

Известно, что летописи представляют собой своды предшествующего летописного материала. Работа различных летописцев соединена в них не крупными кусками, а по большей части отдельными небольшими летописными статьями под каждым годом отдельно. Работа по атрибуции отдельных летописных текстов связана поэтому прежде всего с работой по раслаиванию летописи и по ее хронологизации.

Точно такое же соединение многих мелких авторских текстов представляют собой хронографы, степенные книги, отчасти некоторые исторические повести и т. д.¹

Житие святого также представляет собой по большей части соединение работ многих авторов. Как правило, дополнительные части в житиях святого — рассказы о его посмертных чудесах — составлялись позднее и принад-

¹ О компилятивности палейных и хронографических текстов можно наглядно судить по описанию их состава в кн.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. С. 237–304.